

Abstract: The idea of monarchist statehood has both rational and irrational justification. In many ways, the irrational belief in the monarch as a figure uniting the nation, as a symbol of the nation, serves as an important integrating factor for societies with a given political system. In domestic political philosophy and history, the coverage of a range of issues related to monarchial statehood underwent serious changes; in modern Russian society, there is also a rather ambiguous attitude towards the monarchist idea. All this makes it interesting to study this material with students in courses on history, sociology, political science, and philosophy. The paper considers the issues of explaining to students various aspects of the idea of the monarchial statehood of the Russian Empire, its evolution. Both rational and irrational foundations of the idea of monarchial power are analyzed.

Keywords: political philosophy, monarchy, rational and irrational in politics, history, student training.

УДК 340.111

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРАВЕ (НА АНТИЧНОМ ПРИМЕРЕ)

Пономарёв Алексей Михайлович

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

директор филиала

Удмуртский филиал ФГБУН «Института философии и права УрО РАН»

e-mail: amp08@mail.ru

г. Ижевск, Россия

Аннотация. в тексте рассматриваются на примере античности вопросы генезиса европейской рациональности и её связи с формальной логикой. Эти процессы связаны с переходом от материально-рациональных в терминологии М. Вебера юридических систем к формально-рациональной юридической системе. Результатом этого процесса является становление права в качестве регулятивного и конститутивного принципа формальной равной меры. Переструктурирование юридической системы на новом принципе стало средством перекодирования общества в двухчастном универсально-понятийном коде и инструментом рационализации социума в целом. Процесс генезиса формально-рациональной юридической системы рассмотрен как процесс перехода от регламентационного закона, опирающегося на трансцендентную сакральную волю, к закону, который дедуктивно выводится из концепции «естественного космического закона» как общего места риторического рассуждения. В ходе этого процесса фигура жреца-экзегета сменяется фигурой вооружённого логикой профессионального юриста. Результатом этого процесса является рождение концепции истины как рационально исследуемого в процессе аргументированного дискурса и логически доказуемого состояния фактов мира.

Ключевые слова: рациональность, формальность, логика, право, истина, юридическая система, топос суда, законодательство, формально-рациональная юридическая система, материально-рациональная юридическая система.

Проблема связанности европейского права и рациональности привлекает к себе большое внимание на протяжении не одного столетия. Она является, например, одной из ключевых проблем в поисках М. Вебером объяснения возникновения и развития западной рационализации, которую он считал специфической чертой европейской цивилизации. Если целерациональное действие, в котором, по его мнению, эта рациональность находит максимально полное воплощение, высвобождается от традиционности в ходе дифференциации ценностных социальных сфер, если оно мотивационно закрепляется в личности благодаря протестантской этике, то его институционализация в экономике и управлении стала возможна благодаря формальному рациональному праву [1, с. 3-4]

Но в наиболее заострённой форме этот «эдипов комплекс» европейской цивилизации сформулирован М. Фуко в его работе «Истина и правовые установления». М. Фуко указывает, что именно в юридических практиках складывается определённый тип властвования, основанный на специфическом несакрализованном знании. Он демонстрирует, что именно в Афинах к V в. до н.э. сложилось право «противопоставлять истину, лишённую опоры на власть, власти, не ведающей истины ...». Оно было связано: а) с разработкой рациональных форм нахождения улик и представления доказательств, которые определяли способ представления истины, условия и аспекты наблюдения, а также используемые правила; б) с разработкой риторики как искусства убеждения в истинности сказанного; в) с развитием познания нового типа — расследованием-исследованием, основанном на свидетельствах и проверке. По его словам, Античная Греция «... породила [новую] форму судебного и правового, юридического раскрытия истины. Она-то и образует матрицу, модель,

на основе которой ряд других знаний — философских, риторических, эмпирических, — получили возможность развиваться...» [2, с. 78-79].

На этот аспект лекций М. Фуко: на связь судебной процедуры с научным знанием и публичным властвованием, — внимание обращают часто. В тени остаётся другой аспект, о котором говорит М. Фуко при анализе античного судопроизводства. Речь идёт о суде как топосе, в котором переплетается публичное и частное, и тем самым — о социальной точке, в которой нарождающаяся европейская рациональность не только формируется, но и проникает в повседневность, в обыденность жизни цивилизации нового — нетрадиционалистского, — типа.

Тем самым утверждается, что техники и процедуры рационального рассмотрения обстоятельства дела — т.е. фактов мира, — и их аргументированного дискурсивного обсуждения не только проникают в тело социальности, но и, по сути, ткнут её материю. Тем самым проблема соотношения рациональности и права в европейской культуре выводится из ряда обычных проблем, превращается в ключевую проблему генезиса европейской культуры. Она должна быть переформулирована из соотношения рациональности и права в проблему генезиса европейской рациональности, её трансплантации в ткань европейской повседневности и институционализации в качестве ведущей доминанты европейской цивилизации. Таким образом, удаётся выделить три круга вопросов, подлежащих рассмотрению при решении данной проблемы: порождение рациональности (логики) в праве, её инкорпорации в социум и её закрепление/воспроизводство.

Положение, что начало европейской правовой традиции уходит в античность, является трюизмом. Но, говоря об античных истоках европейской правовой традиции, принято говорить о римском античном праве. Д.В. Бугай пишет, что до сих пор можно встретить мнение, согласно которому «... греческое право непосредственного влияния на юридическую культуру и юридическую практику Европы Нового времени практически не оказало» [3, с. 124]. По нашему мнению, именно в древней Элладе находится исток европейской цивилизации, и в том числе — европейского права. Более того, матрица европейской культуры выковывалась не столько в политических, сколько в правовых баталиях античности; трансформация этой матрицы и европейские правовые трансформации оказывались тесно связанными; и ведущая роль в этих трансформациях — пожалуй, за исключением так называемого Нового времени, — принадлежала правовой динамике.

Для более полного понимания излагаемой позиции, следует уточнить используемые в тексте понимание и права, и рациональности.

Рациональность, которую можно признать в рассматриваемом контексте в качестве типологической характеристики европейской культуры, есть и эффективность: прагматичный выбор наиболее подходящих средства для достижения чётко обозначенных целей, — и упорядоченность: последовательно-логический, одинаковый подход к одинаковым явлениям. Хотя М. Вебер писал, что практическая методическая рациональность и рациональность как теоретическое овладение реальностью в абстрактных понятиях — «это совершенно разные вещи ...», он признавал, что «... в конечном счете, они связаны друг с другом» [4, с. 66]. Можно сказать, что исследовательская интуиция не подвела М. Вебера. Оба вида рациональности связаны в том смысле, что принадлежат к одному типу, который задаётся — в терминологии М.К. Петрова, — универсально-понятийным социокодом. Данному коду присуще опосредование любого частного всеобщим, тяготение к языковым универсалиям и функционирование в режиме рационального дискурса [5, с. 150]. Но это именно разные виды, один из которых функционирует в сфере частного, личного интереса и мотива, а второй — в сфере универсального, публичного, всеобщего интереса в абстрактной форме.

Право в рамках данного текста понимается в его различении с законом как принцип формальной равной меры, выполняющий в отношении юридической сферы и регулятивную, и конститутивную функции. И в таковом качестве оно является феноменом исключительно европейской цивилизации, резко отделяющим европейскую юридическую систему как тип от других юридических систем.

Эту систему М. Вебер характеризовал в качестве формальной и рациональной, противопоставляя ей другие историко-культурные юридические системы как материальные и/или иррациональные. Анализируя типологизацию юридических систем М. Вебера Н. А. Бусова приходит к выводу, что формальность при их характеристике отсылает к самодостаточности такой системы, «... когда все правила и процедуры, необходимые для принятия решения, обеспечиваются самой системой». Понимаемая же в двух смыслах рациональность трактуется как «контролируемое интеллектом» и как «управляемое общими правилами и принципами» [1, с. 32].

Согласно М. Веберу, рациональность юридического мышления, связанного с европейской системой, может быть двоякой. Она может заключаться «... в *генерализации*, что ... означает

редукцию необходимых для решения единичного случая оснований к одному или нескольким принципам (они же — правовые положения). Эта редукция ... осуществляется путём ... разложения состава деяния на такие конечные элементы, которые принимаются во внимание при его правовой оценке. И наоборот: вычленение ... новых правовых положений ведёт в обратном направлении — к обособлению отдельных ... релевантных признаков состава деяния; этот процесс основан на *казуистике* ...», хотя и не каждая казуистика ведёт к логически вычлененным правовым положениям [6, с. 56].

О юридической формальности М. Вебер пишет, что право формально настолько, насколько оно опирается и в материальной, и в процессуальной части на генеральные признаки состава деяния. И этот формализм также может иметь двоякую природу. «С одной стороны, он проявляется, в случае, когда юридически релевантные признаки имеют чувственно-наглядный характер. Первостепенное внимание к внешним признакам ... — это строжайший вид правового формализма. С другой стороны, формализм налицо и в случае, когда юридически релевантные признаки выявлены путём логического толкования смысла, а затем построены и применены строгие правовые понятия в виде высокоабстрактных правил» [там же, с. 57].

В характеристике М. Вебером европейского права и создаваемых на его базе юридических системах привлекает внимание та роль, которую в их функционировании играет логика; в противовес формализму казуистики «лишь толкующая смысл абстракция позволяет ставить специфическую задачу *систематизации*, т.е. логического сведения отдельно действующих ... правовых норм в непротиворечивое единство абстрактных правовых положений и рационализации последних [там же, с. 58]. Можно утверждать, что логика с её формализмами лежит в ядре рационального европейского права.

Обращение к типологии юридических систем М. Вебера, в которой есть и материальное рациональное право, позволяет понять неслучайность такого состояния дела. Оба типа формальны постольку, поскольку принимают во внимание исключительно однозначные генеральные признаки состава деяния. Материально-рациональное мышление также использует при принятии решений комплекс общих критериев. Но эти критерии принадлежат внешним по отношению к юридической системе сферам (например, политика, религия, мораль и т.п.). И исторически материально-рациональные юридические системы предшествуют формально-рациональным. Ими, в частности, являлись некоторые из юридических систем традиционалистского общества, встроенные в достаточно развитые религиозные системы.

В этих системах императивность реализации юридической нормы выводится из сакральных образцов, она транслируется в повседневный мир через пространство/точку сакрального. Наиболее явно эта черта проявляется в предписывающем (регламентирующем) законе, устанавливаемом от имени сакральной власти. Именно из-за такого «источника» закона вопрос индивидуального выбора, определения индивидом своего отношения к закону обесмысливается. «Вольна» выбирать сакрально-легалистский порядок социальная корпорация, делающая это за индивида [7, с. 78]. Сам он обязан выполнять регламентируемые действия, предписываемые осуществлённым за него выбором. В этой ситуации «следовать закону, — пишет И.А. Исаев, — в конечном счете, означало следовать небесному образцу, источник закона располагался где-то в недостижимой для человека вышине; ... повеления Закона расходились концентрическими кругами из горнего центра, достигая самых отдалённых точек и пронизывая собой всё существующее на земле; Закон не создавался, он открывался и прочитывался в самих вещах и связях. ... Закон становился той первичной силой, которая порождала саму государственность» [8, с. 152].

Эти общества уже имели развитую письменную традицию, что вело к разделению ритуализированного обычая на социальное действие и регламентирующие его предписание. Появление письменности позволяет зафиксировать ритуал в форме писаного закона, легитимизированного сакральной волей. Но отрыв формы от социального действия требует специальных техник их связывания друг с другом, а также техник работы с формой не только в прагматическом, но и теоретическом аспектах. Первая потребность удовлетворяется посредством предъявления требований закона индивидуальному сознанию в качестве обычая, установленного сакральным авторитетом (героем, царём, священником и т.п.). Ответом на появление второй потребности является рождение логики.

В связи с последним следует обратить внимание на следующее историческое обстоятельство. Первое логическое знание появляется как инструмент интерпретации сакрального закона-установления. В качестве примера можно привести индуистскую логику *ньяи*, иудейский *мидраш*, буддийскую логику: «на первых порах своего становления логика была неотделима от практики

экзегезы — правил толкования “божественного закона” в том виде, в каком он был единожды отражён в тексте, “ниспосланном” свыше» [9, с. 17]. Примечательно, что эти логики возникают как логики исчисления имён, т.е. как инструмент интерпретации профессионально-именного знакового кода своей цивилизации [5, с. 105-113]. Разработкой этих логики, т.е. обоснованием с формальной стороны предписывающей социальное действие нормы, чаще всего занималась специальная группа, инкорпорированная в жрецкое сословие.

Наличие инструмента работы с формой нормированного социального действия стала основанием, на котором через топос суда юридическая сфера стала наряду с военной демократией главным инструментом перекодирования социальности в двухчастный код. Следует упомянуть также, что и военная демократия включала юридический компонент в виде законодательного оформления принятых решений, которые вырабатывались в агональном состязании с применением изощрённой логической аргументации.

Иллюстрацией сказанного выше может служить развитие афинского законодательства, которое начинается с законодательства Драконта. Первые «реформы» афинского законодательства (и Драконта, и Солона) представляют собой письменную фиксацию обычного права, целью которой было добиться более однозначного понимания содержания юридической нормы и ограничить её произвольное толкование судьями *ad hoc*. И в том и другом случае, эти реформы были тесно связаны с сакральностью. Так, Драконт, по сути, ограничивал применение закона об убийстве, признавая наличие случаев оправданного или непредумышленного убийства и передавая такие случаи под религиозную юрисдикцию. «В сущности, мы имеем дело с кропотливой работой экзегета, с помощью различных приёмов толкования разъясняющего положения обычного права, ставшие с течением времени тёмными и малопонятными даже для аристократов-судей» [10, с. 43, 51]. Это же положение можно применить и к деятельности Солона, религиозный аспект которой более явно выражен в её санкционированности Дельфийским святилищем [там же, с. 79-102].

Именно с критики сакрализованного закона, его абсурдизации софистами и преодоления последней в диалектике Платона начинается развитие античной логики. Античность интересна разработкой логик (силлогистика и неформальная логика Аристотеля, а также пропозициональная логика стоиков), которые изначально ориентированы на борьбу за власть и толкование закона. При этом такое многообразие логик связано с «топосом» их применения. Например, «топос» суда связан с риторикой, которую можно сопоставить с аргументационной логикой современности [11, с. 50-51].

Генетическая связь перечисленных систем логик с интерпретацией сакрального по исходной интуиции закона делает их внешне сходными с упоминавшимися ранее системами логик, которые обслуживают материально-формальные юридические системы. Неслучайно античные системы логик содержательно связаны с исчислением имён. Но в технике их применения уже видны отличия, в ней уже эксплицируется принцип права — космический *topos*, — как дедуктивный вывод из метафизического принципа — из Абсолюта, трактуемого как космос. Иными словами, способ обоснования права в качестве принципа в дедуктивно-метафизической развиваемой юридической системе (к ним следует отнести и средневековые европейские юридические системы) имеет ряд схожих черт с предшествующей регламентационно-легалистской юридической системой. В ней сохраняется трансцендентный характер обоснования юридичности социальных отношений. Он проявляется в опосредовании позитивного (человеческого) закона «естественным законом». Но в технике опосредования уже проявляются характеристики обществ с универсально-понятийным способом кодирования. Эта техника основывается на рациональной логической аргументации.

И. Б. Фан характеризует применение этих техник следующим образом. «Фактором гомогенности входящих в этот цикл эпох (античной, средневековой и, с оговорками, Ренессанса, барокко и классицизма) и господствующих в них форм культуры, является принцип риторического рационализма (принцип “общего места”). ... Гносеологическая предпосылка риторической культуры — признание познаваемым (приматом) общего перед частным. Правила риторики требуют идти от логического рода к логическому виду и от него к конкретному случаю как случайной акциденции этого вида. ... “Общее место” для ... риторического взгляда ... было чем-то абсолютно необходимым и положительно оцениваемым». «Общее место» — инструмент абстрагирования, средство упорядочивания и систематизации. Рационалистическая риторическая установка, будучи длительной стадией дедуктивного, силлогистического мышления, проявляется как «... рубрикация, исчерпание предмета через вычленение и систематизацию его логических аспектов». Конкретность предмета, ситуации понимается как комбинация перечисляемых по пунктам их абстрактных свойств. Риторическая схема в своей зрелой форме — это систематизированный и логически упорядоченный перебор и описание возможностей, присоединение схемы к основному мотиву [12, с. 85-88].

Краткое рассмотрение становления права в качестве принципа равной меры рациональности в классической античности позволяет увидеть несколько моментов его связи с генезисом европейской рациональности. Логический формализм работы с юридической нормой, который сложился ещё на предыдущих этапах развития юридических систем, оказался мощным средством десакрализации и рационализации европейского права с первых его шагов. Более того, он позволил праву в виде «естественного (космического) закона» выкристаллизоваться в качестве принципа как такого, который стал основанием конструирования и регуляции юридической деятельности во всех её проявлениях. Возникнув однажды, он уже воспроизводился с опорой на логику и в позднее средневековье, и в эпоху модерна. Именно логика является инструментом рационализации юридической системы.

Но логическая формализация юридической сферы оказалась средством рационализации всей социальной жизни. И это связано не столько с законодательной и управленческой функцией права, сколько с риторикой суда, который втягивал в процесс рационализации повседневные практики и их агентов. Более того, именно этот процесс фактически запускает процесс секуляризации, частным проявлением которого является замена фигуры жреца-экзегета фигурой вооруженного логикой профессионального юриста.

Литература

1. Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право / Н.А. Бусова. Харьков: Изд-во «Прометей-Прес», 2004.
2. Фуко М. Истина и правовые установления // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / Мишель Фуко, пер. с франц. И. Окуновой под общей ред. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005.
3. Бугай Д.В. Правовое мышление в архаической Греции. Themis / Д.В. Бугай // Вопросы философии. 2007. № 12.
4. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий / Макс Вебер. Избранное. Образ общества: Пер. с нем. М.: Юрист, 1994.
5. Петров М.К. Язык. Знак. Культура / М.К. Петров. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
6. Вебер М. Условия развития права (социология права) // Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии Т. III / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
7. Зильберман Д.В. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность / Д.В. Зильберман // Вопросы философии. 1996. № 4.
8. Исаев И.А. Топос и номос: пространства порядков / И.А. Исаев. М., 2007.
9. Шуман А.Н. Философская логика: истоки и эволюция / А.Н. Шуман. Мн.: Экономпресс, 2001.
10. Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства / И.Е. Суриков. М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Огурцов А.П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности. // А.П. Огурцов // Этнос науки. / РАН. Ин-т философии; Ин-т истории естествознания и техники. Отв. Ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008.
12. Фан И.Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина / И.Б. Фан. Екатеринбург: УрО РАН, 2006.

THE INSTITUTIONALIZATION OF RATIONALITY IN LAW (ON AN ANTIQUE EXAMPLE)

Athour: Ponomarev Alexey Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Branch Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Udmurt Branch

Abstract: in the text, the example of antiquity examines the genesis of European rationality and its connection with formal logic. These processes are associated with the transition from material-rational in the terminology of M. Weber legal systems to a formal-rational legal system. The result of this process is the development of law as a regulatory and constitutive principle of formal equal measure. The restructuring of the legal system on a new principle has become a means of transcoding society in a two-part universal-conceptual code and a tool for rationalizing society as a whole. The process of genesis of a formal rational legal system is considered as the process of transition from a regulatory law based on a transcendental sacred will to a law that is deductively derived from the concept of “natural cosmic law” as a common place for rhetorical reasoning. During this process, the figure of the exegetical priest is replaced by the figure of a professional lawyer armed with the logic. The result of this process is the birth of the concept of truth as rationally explored in the process of reasoned discourse and the logically provable state of the facts of the world.

Keywords: rationality, formality, logic, law, truth, legal system, court topos, legislation, formal rational legal system, material and rational legal system.